

К.Н. Васильев

Анализ оснований и перспектив реализма логической возможности на материале теорий Д. Льюиса и А. Карпенко

Васильев Кирилл Николаевич – магистрант. МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: kirillkiriker@mail.ru

В статье рассматривается аргументация в пользу реалистической интерпретации онтологического статуса логической возможности на материале модального реализма Д. Льюиса и сверхреализма А.С. Карпенко. Оба автора выбирают стратегию аргументации «к наилучшим последствиям», сосредотачиваясь на положительных эффектах от принятия реализма логической возможности. В статье показывается, что модальный реализм Д. Льюиса является продуктивной метафизической теорией для философского осмысления модальных понятий, но при этом оказывается не лишен внутренних затруднений и слабых сторон. Выделяется ряд слабостей льюисовского подхода, в основном связанных или с некоторыми противоречиями и лакунами внутри его концепции, или же с тем, что принятие модального реализма, как показывается в статье, создает больше проблем, чем решает. Схожие недостатки обнаружены и в концепции сверхреализма А.С. Карпенко. Тем не менее она интересна нестандартным пониманием онтологии, во многом схожим со средневековыми теориями трансценденталий. С философской точки зрения перспективным также видится сформулированный Карпенко методологический принцип: подлинным ограничителем является тот, который расширяет границы реального.

Ключевые слова: принцип полноты, принцип изобилия, модальный реализм, сверхреализм, великая цепь бытия

Артур Лавджой и Великая цепь бытия

Задача статьи – проанализировать аргументацию в пользу реалистической интерпретации онтологического статуса логической возможности в работах Д. Льюиса и А.С. Карпенко. Прежде чем перейти к ее реализации, необходимо прояснить используемый нами концептуальный аппарат. Понятия «Великая цепь бытия», «принцип изобилия» и «принцип полноты» взяты нами из книги американского философа и историка идей А. Лавджоя с соответствующим названием «Великая цепь бытия» (1936). В этой работе Лавджой концентрируется на изучении древней метафизической интуиции, имевшей место еще у Платона. Эту интуицию Лавджой называет «Великой цепью бытия» (the great chain of being). В ее рамках бытие понимается как некоторая цепь, связывающая «бесконечное число звеньев, расположенных в иерархическом порядке: от ничтожных существ, балансирующих на грани не-существования... и вплоть до *ens perfectissimum* – или, в несколько более ортодоксальной версии – вплоть до самого высокого из возможных типов сотворенного» [Лавджой, 2001, с. 62]. Сущее, таким образом, многослойно, имеет разные степени совершенства.

В качестве оснований для такого понимания Сущего Лавджой выделяет три принципа, находящихся в довольно сложных и иногда противоречивых между собой отношениях: принцип изобилия (*plenitude*), принцип непрерывности (*continuity*) и принцип линейной градации (*unilinear gradation*) [Хлуднева, 2003, с. 243–251]. В рамках настоящего исследования нас будет интересовать принцип изобилия. Он означает, что «никакая подлинная потенция бытия не может оставаться неисполнившейся, что протяженность и изобильность сотворенного должны быть так же велики, как беспределен потенциал существования, и должны соответствовать продуктивным возможностям “совершенного” и неисчерпаемого Источника; и что мир тем лучше, чем больше вещей он содержит» [Лавджой, 2001, с. 55].

Дэвид Льюис и модальный реализм

«Возможные объекты существуют» – сильный метафизический тезис, развиваемый Дэвидом Льюисом в работе [Lewis, 1986]. На первый взгляд выдвигаемый тезис создает напряжение между философским мышлением и здравым смыслом. Рассмотрим эту теорию.

Льюис не просто утверждает реальность возможных объектов. Модальный реализм – название льюисовской теории – это реализм возможных *миров*. Льюис сравнивает возможные миры с удаленными друг от друга планетами, хотя бо́льшая часть этих миров намного больше планетарных размеров. При этом, разумеется, планеты существуют пусть и далеко друг от друга, но все же в рамках одного пространства и времени, тогда как льюисовские миры друг от друга полностью изолированы. Иными словами, у событий и объектов одного мира не может возникнуть причинно-следственных отношений с объектами и событиями другого мира. Миров бесчисленное множество, какие-то из них в большей степени похожи на наш, какие-то заметно отличаются.

Льюис осознает сразу напрашивающееся возражение, заключающееся в том, что, «строго говоря», *реально* существует только наш собственный мир. Эту позицию Льюис считает ограниченной¹, она заметно сужает само понятие реальности. По Льюису вещи из других миров существуют *simpliciter*, т.е. непосредственно. Тезис о множественности миров плодотворен, а значит, попытка обоснования Льюисом собственной позиции осуществляется в духе традиции прагматизма: модальный реализм верен, поскольку эффективно решает философские проблемы.

Надо отдать Льюису должное: в своей апологетике он крайне аккуратен, сам замечая далекую от идеала степень обоснования модального реализма и даже осознавая, что его теория может создать больше философских проблем, чем решить.

В свете изложенного выше не остается сомнений в том, что Льюис подписался бы под следующим высказыванием К. Мейясу, будь он знаком с творчеством французского философа в возможном мире N: «Все знают поговорку, согласно которой нет такой глупости, которую не отстаивал бы всерьез кто-нибудь из философов; любезно заметим, что доказательство ложности этой поговорки в том, что осталась еще одна глупость, которую никто не отстаивал, и именно мы ее нашли» [Мейясу, 2017 с. 121–122].

Особого внимания заслуживает раздел «Plenitude», посвященный принципам изобилия и полноты. Интересен он тем, что Льюис, идя вразрез с любыми мыслимыми антиципациями в отношении модального реализма, отказывается от принципов полноты и изобилия:

В самом начале я упомянул несколько способов, которыми может существовать мир; а затем я сделал частью своего модального реализма то, что: (1) абсолютно каждый способ, которым мир может существовать, является способом, которым некоторый мир является, и (2) абсолютно каждый способ, которым часть мира может быть, является способом, которым некоторая часть некоторого мира является. Но что это значит? Похоже, это означает, что миры изобилуют, а логическое пространство каким-то образом полно. В логическом пространстве нет пробелов; нет мест, в которых мир мог бы быть, но не стал. Кажется, что это принцип изобилия. Но так ли это на самом деле? <...> Я прихожу к выводу, что (1), а также (2) не могут быть использованы в качестве принципов изобилия. Пусть они останутся тавтологиями². Тогда нам нужен новый способ сказать то, что, казалось, говорят (1) и (2): что возможностей достаточно и нет пробелов в логическом пространстве [Lewis, 1986, p. 87].

Вместо принципов изобилия и полноты Льюис вводит принцип рекомбинации, суть которого заключается в том, что все, что угодно, может сосуществовать с чем угодно (лишь с тем ограничением, что эти объекты не находятся в одной и той же пространственно-временной точке). Аналогично все может не сосуществовать ни с чем другим. При этом Льюис решает не прояснять сущностное отличие принципов полноты и изобилия от принципа

¹ В оригинальном тексте игра слов: «stricted» – строгий и «restricted» – ограниченный.

² В оригинальном тексте – «trivial».

рекомбинации. Что же касается различий функциональных, то наличие таких мы здесь не наблюдаем: вместо того, чтобы сказать, что все возможное обязательно реализуется, мы просто говорим, что все что угодно уже реализовано в возможных мирах.

Нельзя пройти мимо анализа Льюисом понятий «реальность» и «актуальность», в рамках которого он смело занимает релятивистскую позицию: каждый мир актуален сам по себе, таким образом, все миры находятся на одном онтологическом уровне. Иными словами, термин «актуальный» выражает отношение некоторого мира *W* к самому себе, т.е. обыкновенное тождество. В противном случае нам пришлось бы признать абсолютную исключительность нашего мира, приписать ему свойство какого-то особого, более высокого порядка, отличающего его от всех остальных миров и ставящего их в зависимость от себя. На эту абсолютистскую позицию Льюис находит два возражения.

Первое возражение структурно повторяет типичный скептический аргумент «откуда мы знаем, что...». И на этот раз очередной скептик решил усомниться в нашем знании о собственном существовании: «Если я и все остальные реальные люди действительно имеют такое непосредственное знакомство с абсолютной реальностью, то разве не имела бы его и моя старшая сестра, если бы только у меня была старшая сестра? И вот она, неактуализированная, в каком-то другом мире, одураченная теми же самыми доказательствами, которые, как предполагается, дают мне знание» [Lewis, 1986, p. 95].

Второе возражение идет от тезиса о контингентности материи: «В одном мире контингентная материя (contingent matter) идет одним путем, в другом – другим. Поэтому в одном мире актуален один мир, а в другом – другой» [Ibid., p. 94].

Дадим оценку льюисовской теории возможных миров. Льюис смел в своей последовательности. Утверждая реализм возможных миров, он принимает все выводы, к которым приводит эта теория, включая контринтуитивные с точки зрения здравого смысла. Можно сформулировать тезис сильнее: сам модальный реализм контринтуитивен с точки зрения здравого смысла.

Во-первых, отдельную проблему представляет тезис о наличии в некоторых из возможных миров наших двойников. Какое существо мы готовы называть нашим двойником? Существует возможный мир *Z*, в котором Дэвид Льюис – слон. Но что позволяет нам считать этого слона Дэвидом Льюисом, что будет являться тем, выражаясь словами Крипке, «жестким десигнатором» [Kripke, 2001, p. 48], закрепляющим за некоторым существом идентичность Дэвида Льюиса?

Во-вторых, возникают вопросы к аргументации в пользу контингентности актуальности нашего мира. Первый аргумент кажется неубедительным из-за тривиального скептицизма, который лежит в его основании. Схема «откуда мы знаем, что...» может быть с тем же успехом применена и к самому модальному реализму: «Откуда мы знаем, что возможные миры существуют?», «Откуда мы знаем, что наши двойники в возможных мирах в самом деле наши двойники?» и т.д. и т.п. Здесь льюисовская последовательность все же дает сбой, скептицизм появляется и исчезает *ad hoc*. Второй же

аргумент работает лишь в том случае, если мы уже безоговорочно приняли модальный реализм³. В самом деле, когда мы утверждаем, что наш мир актуален в том же смысле, в котором актуальны другие возможные миры, т.е. актуален сам для себя, а не *simpliciter*, мы еще не можем утверждать, что наш мир – лишь один из многих и по критерию актуальности ничем от них не отличается. Но стоит нам сказать, что возможные миры реально существуют – эта исключительность нашего мира пропадает. Теперь все миры – актуально существующие (каждый актуален сам для себя и при этом обладает реальным, а не номинальным онтологическим статусом). Таким образом, последний аргумент Льюиса работает лишь в том случае, если вместо обыденного «актуальным могло бы быть иное положение дел» мы говорим «в возможном мире N актуальным является иное положение дел». Модальный реализм действительно уничтожает исключительность нашего мира, но это не означает, что наш мир не исключителен.

В-третьих, проблематично утверждение новизны принципа рекомбинации взамен принципа изобилия. Выше мы уже отметили, что не ясно, в самом ли деле принцип рекомбинации сущностно отличается от принципа изобилия, и при этом с большой уверенностью можно утверждать, что с функциональной точки зрения это одно и то же. Утверждая, что «(1) абсолютно каждый способ, которым мир может существовать, является способом, которым некоторый мир является, и (2) абсолютно каждый способ, которым часть мира может быть, является способом, которым некоторая часть некоторого мира является», это всего-навсего тавтологии, Льюис попросту переделывает принцип изобилия под модальный реализм. Теперь полнота реализованных возможностей не осуществляется в нашем мире, вместо этого полноту создают возможные миры. Сам по себе принцип изобилия, вопреки мнению автора, не исчезает, но трансформируется в принцип рекомбинации.

Если же иметь в виду обозначенные выше проблемы теории двойников, то мы заметим и более глубокую проблему: все-таки ожидаемая логическая полнота возможностей – это то, что ждет именно *нас*, а не наших двойников. В противном случае в логическом пространстве останется лакуна: возможности реализуются с нашими двойниками, но не с нами самими, с существами этого мира. Тогда выходит, что, даже принимая реализм возможных миров, мы все равно не можем отказаться от классического принципа изобилия. Миры Льюиса полностью изолированы в пространстве и во времени: это означает необязательность реализации логических возможностей в каждом отдельно взятом мире. Принцип изобилия требует, чтобы все логические возможности реализовались. Это означает не просто, что какая-то часть из них реализована в нашем, а остальное – в других мирах как инвариантах нашего. Подлинно реалистическая и метафизическая интерпретация принципа изобилия заключается в том, что логические возможности полностью реализуются в нашем мире точно так же, как это произойдет (или уже произошло) с другими мирами. В конечном счете получится так, что миры, если рассматривать их в качестве

³ За это замечание я благодарен Василию Борозину.

понятий (мир Z, мир X, мир C), достигнут одинакового содержания и объема, т.е. отождествятся.

Отметим семантическую разницу в понимании онтологического статуса логической возможности Льюисом и сторонниками классического принципа изобилия, о которых пишет Лавджой. Лестница бытия «от минерала до Серафима» и понимание потенции как того, что только и ждет условий для своей актуализации, предполагают реализацию не в «возможном мире W», а в пространственно-временном континууме нашего мира.

Александр Карпенко и сверхреализм

А.С. Карпенко (1946–2017) в ряде своих работ развивает концепцию сверхреализма. Целью и сутью этой концепции является расширение сферы реальности настолько, насколько это возможно. Сверхреализм включает в себя множество разных концептов и тенденций, имевших место в истории философии в самых разных точках пространства и времени: концепции мультиверса, контрфактуального мышления, модальной эпистемологии, антропного принципа, возможных миров, современной космологии – все они в том или ином виде направлены на выполнение поставленной сверхреализмом задачи.

Взгляд Карпенко на историю философии во многом наследует лавджоевскому. Но если Лавджой заканчивает свое исследование на философской традиции романтизма, то Александр Степанович сосредотачивается на выражении принципа изобилия в современной философии. Так, принцип изобилия имеет место, к примеру, у Р. Нозика, правда, под другим названием – принцип плодovitости (fecundity): «Все возможности существуют в независимо не взаимодействующих сферах, в “параллельных универсумах”» [Nozick, 1981, p. 129]. Намеки на принцип изобилия Карпенко находит и в поздних работах Л. Витгенштейна: «То, что “возможность есть нечто, подобное действительности”, исследователи творчества Витгенштейна стараются не замечать» [Карпенко, 2016b, с. 13].

В качестве обоснования концепции сверхреализма Карпенко предлагает следующую цепочку рассуждений [Там же]:

- P1. Все мыслимое возможно
- P2. Все возможное реализуется
- S. Все мыслимое реализуется

Вывод Карпенко, что все мыслимое реализуется, делается по правилу транзитивности и носит название принципа полноты, по сути, являющегося модификацией принципа изобилия. Рассуждения Карпенко приводят нас, таким образом, к хронологическому началу философии: тезису Парменида о тождестве бытия и мышления. Что может дать нам это тождество? Из него следует, что, расширяя границы мыслимого, мы тем самым расширяем реальность. Именно эту тенденцию расширения мыслимого мы, согласно Карпенко, можем разглядеть в истории человеческой культуры: «Возникновение речи, письменность, книгопечатание, обмен информацией в сети Интернет,

конструирование виртуальных миров...» [Карпенко, 2016b]. Карпенко, следовательно, рассматривает принципы изобилия и полноты инструментально: они не являются ценными сами по себе, но выполняют определенную задачу, поставленную перед человеком мирозданием. Карпенко даже пишет о «миссии контрфактуального существа» [Там же], стоящей перед человеком. Людям как контрфактуальным существам, т.е. существам, способным к контрфактуальному мышлению, необходимо принять участие в репликации Вселенной при помощи расширения границ мыслимого, которое, как мы уже выяснили, расширяет и границы реального.

Концепция сверхреализма, таким образом, интересна для нас включением нормативного аспекта в, казалось бы, узкоспециализированную метафизическую проблему: принятие принципа полноты способствует расширению окружающей нас действительности и всей Вселенной и, ко всему прочему, ставит перед человечеством задачу расширять мышление и вместе с ним реальность, чтобы людям «не погибнуть вместе [со Вселенной]» [Там же]. Принцип полноты в концепции Карпенко приобретает экзистенциальную ценность: он становится условием сохранения существования человечества и вместе с ним – всей Вселенной. При дальнейшем изложении Карпенко, правда, оговаривается, что речь идет все же о функции [Там же, с. 18], а не о конечном предназначении человечества расширять границы мыслимого. Расширение границ мышления – не самоценный процесс.

Принцип полноты имеет значение и для социально-политической проблематики. По Карпенко, полнота заключается в плюрализме во всех сферах реальности, том числе религиозной, идеологической и политической: «Исключительность противоречит принципу полноты и ведет к коллапсу, но не только именно этого государства и этой идеологии, а всего окружающего нас мира» [Там же].

Два убеждения, по мнению Карпенко, мешают развитию человеческого мышления: вера в то, что у истории нет сослагательного наклонения, и мнение, что все рано или поздно заканчивается [Карпенко, 2016а, с. 5].

Первое убеждение противоречит заявленной Александром Степановичем функции контрфактуального мышления, возможности рассуждать о возможных мирах как о реальных. Второе убеждение, хоть и называется Карпенко предрассудком, удерживает наше мышление от безумия: следствием принципа полноты является не только плюрализм, но и бесконечное полное повторение одного и того же. Все, что происходит с нами, не только будет бесконечно происходить в самых разных вариантах, но каждая вариация тоже повторялась и повторится бесконечное количество раз.

Эта проблема приводит Карпенко к убеждению в необходимости ограничителей принципа полноты. В качестве возможных кандидатов на эту роль он рассматривает законы природы, нравственные законы и Бога. Казалось бы, здесь мы приходим к противоречию: ограничивая принцип полноты, мы делаем неполным сам принцип. Однако Карпенко считает данное противоречие мнимым, подчеркивая, что истинным ограничителем является тот, который в действительности расширяет сферу возможного. Это, как кажется, парадоксальное утверждение Карпенко иллюстрирует принципом запрета Паули:

«В квантовой системе две тождественные частицы с полуцелым спином не могут одновременно находиться в одном состоянии» [Карпенко, 2016b, с. 14]. Запрет Паули ограничивает число электронов на каждой орбитали, следствие этого ограничения – существование в структуре атома электронных оболочек, что в свою очередь делает возможным разнообразие химических элементов. Таким образом, если бы принципа запрета Паули не существовало, то не существовало бы и многообразия химических элементов. Отказ в реализации одних возможностей влечет за собой реализацию других. В результате Карпенко формулирует новый методологический принцип для построения теорий: их ограничительные законы и константы «должны расширять реальный мир» [Карпенко, 2016b].

Концепцию сверхреализма Карпенко оценивать непросто: она работает в сфере парадоксов и сама зачастую создает парадоксы. Выделим для начала наиболее значимые в контексте нашей работы ее положения:

- Введение принципа полноты (все мыслимое реализуется). Одной из предпосылок этого принципа является представление о логической возможности как о виде реальной возможности.
- Экзистенциальное, прагматическое, методологическое, эвристическое и нормативное значение принципа полноты для человечества.
- Необходимость ограничения принципа полноты. У принципа полноты должны быть ограничения [Там же, с. 14]. Здесь также прослеживается специфическая по отношению к предыдущим рассмотренным нами концепциям озабоченность ценностно-нормативным аспектом метафизической теории. Карпенко указывает на такие ограничители, как нравственность («противостояние злу») и не слишком очевидное «противостояние безумию» [Там же]. Казалось бы, на место понятия-антагониста для безумия напрашивается концепт здравого смысла, но и здесь не все так просто: здравый смысл в контексте сверхреализма тоже надо понимать определенным образом. Так, к примеру, в здравый смысл совершенно точно не входит обыденное миропонимание. Карпенко прямо пишет о двух предрассудках, мешающих развитию человеческого мышления, о которых говорилось подробнее выше, – о вере в то, что у истории нет сослагательного наклонения, и убеждении, что все рано или поздно заканчивается. Эти убеждения входят в обыденное миропонимание, но, разумеется, не входят в понятие здравого смысла, как его трактует Александр Степанович.

Остановимся на проблемах концепции сверхреализма. Первая из них – общая для всех рассмотренных теорий – проблема обоснования реального онтологического статуса логической возможности. Концепция сверхреализма не видит возможности дать непротиворечивое обоснование этого принципа, на напрашивающийся вопрос о причинах убежденности в существовании принципа полноты Карпенко отвечает, что этот принцип «просто возможен». В другом фрагменте текста вообще идет речь о принятии этого принципа «на веру». Сам принцип полноты, конечно, выводится из принципа изобилия по транзитивности, но как раз в истинности принципа изобилия должны возникнуть сомнения.

Принцип полноты, таким образом, являясь ключевой категорией концепции сверхреализма, оказывается «подвешен в воздухе». Отчасти эту проблему можно решить тем, что сверхреализм, понятый как тенденция, может обращаться к самым разным теориям для подтверждения своих оснований: здесь концепции Льюиса, Лейбница, Спинозы и современных космологов как бы вторят друг другу, стараясь решить одну и ту же задачу по расширению границ мышления и реальности. Исходя из этого, сверхреалисту вполне допустимо обратиться, например, к льюисовскому принципу рекомбинации взамен классического принципа изобилия, отличающегося от последнего тем, что представляет собой его модификацию по отношению к теории возможных миров.

И все же, несмотря на эту попытку апологетики тезиса о реализации всего мыслимого, нам видится основной пробел теории сверхреализма именно в недостаточной обоснованности принципов изобилия и полноты. Автор концепции при этом вряд ли бы посчитал поставленную проблему в самом деле серьезной. Главное основание для убежденности в истинности принципа полноты Карпенко усматривает в последствиях принятия этого убеждения: следствием принятия принципа полноты является расширение способностей человеческого мышления, возможность работы с абстракциями, решение многих социально-политических проблем. Именно по этой причине Карпенко много времени уделяет проблеме контрфактуалов и пишет об истории в сослагательном наклонении: рассуждения о том, что могло бы быть, выводят человеческое мышление на все новые и новые уровни абстракции.

Это обоснование по-своему интересно в контексте современных историко-культурных и когнитивистских теорий. Так, В.В. Глебкин выделяет четыре базовых когнитивных уровня: уровень А, характерный для высших приматов; уровень В, характерный для первобытных и традиционных культур; уровень С, формирующийся в ранних теоретических культурах вроде культуры Древней Греции; и уровень D, когнитивные операции которого начинают встречаться в текстах мусульманских и христианских философов [Глебкин, 2016]. В этой классификации нас особенно интересуют взаимоотношения уровней С и D. В операциях на уровне С преобладает созерцательность, например, геометрическое представление чисел. «Начала Евклида» опираются на визуальное восприятие. Уровень С, таким образом, работает с миром представимого.

Уровень D характеризуется переходом на новые уровни абстракции, при работе с которыми визуальные и перцептивные образы становятся недоступными. В качестве примера операции на таком уровне Глебкин приводит онтологическое доказательство бытия Бога Ансельмом Кентерберийским. Ансельм определяет Бога как нечто, больше которого нельзя себе представить. То есть фактически работает с сущностью, выходящей за пределы возможного опыта, как выразился бы Кант.

В рамках теории сверхреализма также принимаются попытки выхода на абстракции когнитивного уровня D. Возможные миры, открывающиеся перед нами, оказываются мыслимыми, но при этом визуально недоступными. Мыслим ли возможный мир N, который от нашего мира отличается

тем, что в нем не три пространственных измерения, а десять? Представить этот мир так, как мы представляем трехмерные объекты, мы, разумеется, не в состоянии. Но сверхреализм все равно будет настаивать на мыслимости такого мира. В этом сильная сторона этой концепции: понятие мыслимого в рамках сверхреализма оказывается, по крайней мере, не меньшим по объему⁴, нежели понятие логически возможного. Мыслимость в сверхреализме может применяться к объектам, в принципе недоступным человеческому восприятию, даже окажись они в нашем пространственно-временном контексте существования.

Вторая проблема сверхреализма имеет уже свою собственную специфику, которой нет в ранее рассмотренных нами концепциях. Эта проблема – включение в метафизическую теорию ценностно-нормативного аспекта. Начиная с Нового времени в науке имела место тенденция на выделение логики, этики и эстетики в автономные, полностью друг от друга обособленные сферы человеческой культуры. В последнее время ситуация в науке меняется, появляются все новые и новые исследования, проходящие на стыке познавательной и этической проблематики. Удачным примером такого переплетения является относительно новая (середина XX в.) дисциплина – биоэтика. И все же, несмотря на такую междисциплинарную тенденцию в науке, многие коллеги Карпенко не отнеслись бы к этой стороне его концепции с большим энтузиазмом. Их наиболее существенной претензией было бы замечание о произвольности ограничений, которые Александр Степанович вводит для своего принципа полноты. В самом деле, почему принцип полноты должен быть ограничен именно так? Почему мы вообще должны быть защищены от «зла и безумия», выражаясь словами Спинозы, *sub specie aeternitatis*?

Нравственные ограничения, накладываемые Карпенко на, казалось бы, строго логическое и метафизическое правило, отсылают нас к древней и почти забытой нынешней философской парадигмой теории трансценденталий, разрабатываемой в отечественной философии А.М. Гагинским.

Трансценденталии – модусы бытия, количество этих модусов разнится от автора к автору, но тем не менее в основном они сводятся к понятиям Единства, Истинности, Блага и Красоты (*Unum, Verum, Bonum, Pulchrum*) [Гагинский, 2021]. Название трансценденталий эти понятия получили по той причине, что они выходят за пределы введенных Аристотелем категорий, относясь ко всему сущему вообще (*communisma*). То, что они относятся ко всему сущему вообще, делает понятие каждой трансценденталии тождественным другому по своему объему. Так, Фома Аквинский пишет об идентичности в вещи благого и сущего при их понятийном отличии. То, что эти понятия относятся ко всему сущему вообще, снимает упрек в произвольности выбора именно этих свойств сущего в качестве трансценденталий.

Онтология, основанная на теории трансценденталий, таким образом, работает с этическими категориями как с подлинно своими. Истина, добро и красота вступают в отношения взаимодополнения и взаимоограничения.

⁴ А иногда и большим. См., например: [Хинтиikka, 1980, с. 241–242].

Как и любая философская концепция, теория трансценденталий не лишена проблем. Так, с ее позиций непросто ответить на вопрос о том, почему далеко не все сущее в нашем мире благое и прекрасное, почему множество наблюдаемых вещей обладает скорее противоположными характеристиками. В отрыве от христианского мировоззрения (и, в частности, концепта грехопадения), на котором исторически основывалась теория универсалий, убедительное решение данной проблемы потребует от защитника этой теории серьезных интеллектуальных усилий.

Тем не менее именно к такому оригинальному пониманию онтологии тяготеет сверхреализм Карпенко. Теория трансценденталий могла бы решить проблему с упреком в произвольности выбора нравственного ограничителя для принципа полноты, но указанная выше проблема совпадения реальности и блага в наблюдаемых вещах остается на данный момент неразрешимой.

Заключение

Итак, мы рассмотрели философские концепции, понимающие логическую возможность в качестве вида реальной возможности. Каждая из них так или иначе основана на интуиции о Великой цепи бытия, в рамках которой в сущем не допускается пробелов, все возможное так или иначе существует.

Д. Льюис располагает логические возможности в особых изолированных друг от друга пространственно-временных областях, получивших название «возможные миры». Реальность логической возможности защищается Льюисом при помощи обращения к прагматизму: модальный реализм верен потому, что помогает решить ряд проблем, возникающих в рамках философского осмысления модальностей.

Анализируя модальный реализм Льюиса, мы согласились с продуктивностью его подхода. Тем не менее некоторые элементы модального реализма вступают между собой в противоречие. Так, мы обратили внимание на аргументацию Льюиса против исключительности нашего мира по отношению к другим мирам. Один из этих аргументов представляет собой типичный для скептицизма ход, обыкновенно начинающийся с вопроса: «Откуда мы знаем, что...?».

Проблема предложенной аргументации состоит в том, что она оказывается применимой к положениям самого модального реализма, в результате чего они не только не достигают большей убедительности, нежели утверждение об исключительности нашего мира по отношению к возможным мирам, но и ставятся под сомнение собственным скептическим пафосом.

Следующее замечание, сделанное нами по отношению к льюисовской теории, указывало на недостаточность принципа рекомбинации для заполнения пробелов в Великой цепи бытия. Возможные миры имеют временное значение, и метафизическая трактовка онтологического статуса логической возможности должна предполагать реализацию всех логических возможностей на временной прямой каждого мира. В противном случае полнота достигается лишь в совокупности всех миров, взятых вместе, но не достигается в каждом мире в отдельности.

Модальный реализм Льюиса – крайне продуктивная для философского осмысления модальных понятий метафизическая теория, но при этом не лишённая внутренних затруднений и слабых сторон, обозначенных выше. В результате нашего рассмотрения мы выделили ряд слабостей льюисовского подхода, в основном связанных или с некоторыми противоречиями и недосказанностями внутри его концепции, или же с тем, что принятие модального реализма создает больше проблем, чем решает, но, несмотря на это, льюисовская аргументация заслуживает внимания, а его реализм возможных миров интересен необычной постановкой проблем и свежим взглядом на модальные понятия.

Далее мы обратились к концепции сверхреализма А.С. Карпенко. От других концепций она отличается своей направленностью на расширение границ сущего при помощи расширения границ мыслимого, для чего используется набор самых разных философских теорий от лейбницианства и спинозизма до модального реализма Льюиса и концепций современной физики.

Вслед за Льюисом Карпенко избирает прагматический способ аргументации в пользу реальности логической возможности. Рассматривая логическую возможность в таком статусе, человечество развивает свое мышление и способствует собственному выживанию во Вселенной в качестве существ, основной функцией (но не целью) которых является способность к контрфактуальному мышлению. Но и этим положительные стороны сверхреализма не исчерпываются: Карпенко утверждает, что принцип полноты (все мыслимое реализуется) оказывает благотворное воздействие на все сферы индивидуальной и общественной жизни, в том числе на этический, религиозный и политический аспекты. Отказ от исключительности, тотальности той или иной идеологии способствует взаимному развитию человеческого общества в сторону нравственного совершенства.

В этой части своей концепции Карпенко явно отходит от современного конвенционального понимания онтологии как дисциплины, изолированной от других сфер философии, в частности, этической, нормативной. Еще ярче это отступление проявляется в рассуждениях Карпенко об ограничителях принципа полноты, среди которых в качестве основного выделяется нравственный ограничитель: принцип полноты ограничивается недопустимостью зла. Мы сделали вывод о совпадении интуиций Карпенко с домодерновыми представлениями об онтологии. В частности, к схожим со сверхреализмом выводам приходит средневековая теория трансценденталий, в рамках которой такие предельные качества сущего, как Истина и Благо, находятся в сложных отношениях взаимодополнения и взаимоограничения.

Обозначенное понимание онтологии выделяет сверхреализм из других реалистических по отношению к логической возможности теорий. Благодаря этому пониманию сверхреализм Карпенко способен предложить более убедительные основания для рассмотрения логической возможности в качестве вида реальной возможности, нежели модальный реализм Льюиса. При этом у сверхреализма появляется дополнительная проблема, касающаяся несоответствия утверждения о совпадении онтологического и этического с эмпирической реальностью, в которой мы наблюдаем множество однозначно плохих

событий. Исторически эта проблема решалась при помощи христианского богословия, концептов грехопадения и теодицеи, но при нынешней философской парадигме использование таких концептов вряд ли возможно.

С учетом сказанного сверхреализм представляется парадоксальной концепцией по нескольким причинам. Во-первых, у принципа полноты, оказывающегося, могут быть ограничения. Этот парадокс снимается Карпенко при помощи методологического принципа: ограничительные законы и константы должны расширять реальный мир. Во-вторых, парадоксально сочетание в рамках сверхреализма современных философских и физических теорий при тяготении к домодерновому представлению об онтологии как об открытой, а не закрытой по отношению к этике и аксиологии системе. Предложения Карпенко весьма соблазнительны: необходимо всего-то принять логическую возможность за реальную, и человечество будет мирно соразвиваться в направлении светлого будущего в многообразии религий, идеологий и культур. Не будем подробно останавливаться на очевидных претензиях вроде замечаний о том, что идеология на то и идеология, что претендует на исключительность и нетерпима к плюрализму. Здесь намного интереснее то, что Карпенко полноценно включает в метафизическую теорию ценностно-нормативный аспект. Такое понимание онтологии представляет даже больший интерес, чем аргументация в пользу реальности логической возможности, которая, по духу, не слишком отличается от льюисовской (разве что практических бонусов от убеждения в реальности логической возможности в сверхреализме становится больше).

Список литературы

- Гагинский, 2021 – *Гагинский А.М.* Transcendentalia entis как актуальный философский проект // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 95. С. 67–87.
- Глебкин, 2016 – *Глебкин В.В.* Тетрарная модель когнитивного развития и культурно-историческая типология // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 128–145.
- Карпенко, 2016a – *Карпенко А.С.* Сверхреализм. Часть 1. От мыслимого к возможному // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2016. Т. 9. № 2. С. 5–23.
- Карпенко, 2016b – *Карпенко А.С.* Сверхреализм. Часть 2. От возможного к реальному // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2016. Т. 9. № 3. С. 5–24.
- Лавджой, 2001 – *Лавджой А.* Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
- Мейясу, 2017 – *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности / Пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
- Хинтика, 1980 – *Хинтика Я.* Логико-эпистемологические исследования / Пер. с англ. В.Н. Брюшкина. М.: Прогресс, 1980. 448 с.
- Хлуднева, 2003 – *Хлуднева С.В.* Артур Лавджой и «Великая цепь бытия» // История философии. № 10. М.: ИФ РАН, 2003. С. 243–251.
- Kripke, 2001 – *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 172 p.
- Lewis, 1983 – *Lewis D.* New Work for a Theory of Universals // Australasian Journal of Philosophy. 1983. Vol. 61. P. 343–377.
- Lewis, 1986 – *Lewis D.* On the Plurality of Worlds. Oxford: Blackwell, 1986. 276 p.

Nozick, 1981 – Nozick R. *Philosophical Explanations*. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 764 p.

An analysis of the foundations and prospects of logical possibility realism based on the theories of D. Lewis and A. Karpenko

Kirill N. Vasiljev

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation;
e-mail: kirillkiriker@mail.ru

This paper examines the argument for a realist interpretation of the ontological status of logical possibility, drawing on the modal realism of D. Lewis and the hyperrealism of A. Karpenko. Both authors adopt a “best consequences” argumentation strategy, focusing on the positive effects of accepting realism about logical possibility. The paper demonstrates that D. Lewis’s modal realism is a productive metaphysical theory for the philosophical understanding of modal concepts, but at the same time it is not without its internal difficulties and weaknesses. A number of weaknesses of the Lewisian approach are highlighted, mainly related either to some contradictions and gaps within his concept, or to the fact that accepting modal realism, as the article shows, creates more problems than it solves. A. Karpenko’s concept of hyperrealism is not without similar problems. However, it is interesting for its non-standard understanding of ontology, which is largely similar to medieval theories of transcendentals. From a philosophical point of view, the methodological principle formulated by Karpenko is also promising: the true limiter is the one that expands the boundaries of the real.

Keywords: principle of fullness, principle of plenitude, modal realism, hyperrealism, the great chain of being

References

Gaginsky, A.M. “Transcendentalia entis kak aktual’nyy filosofskiy proekt” [Transcendentalia entis as a currently relevant philosophical project], *Vestnik PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 2021, iss. 95, pp. 67–87. (In Russian)

Glebkin, V.V. “Tetrarnaya model’ kognitivnogo razvitiya i kul’turno-istoricheskaya tipologiya” [A tetramerous model of cognitive development and the cultural-historical typology], *Jetnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 3, pp. 128–145. (In Russian)

Hintikka, J. *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Logical and Epistemological Investigations], trans. by V.N. Brjushinkin. Moscow: Progress Publ., 1980. 448 pp. (In Russian)

Karpenko, A.S. “Sverhrealizm. Chast’ 1. Ot myslimogo k vozmozhnomu” [Hyperrealism, part I: from the thinkable to the possible], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 5–23. (In Russian)

Karpenko, A.S. “Sverhrealizm. Chast’ 2. Ot vozmozhnogo k real’nomu” [Hyperrealism, part II: from the possible to the real], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2016, vol. 9, no. 3, pp. 5–24. (In Russian)

Khudneva, S.V. “Arthur Lovejoy i velikaya tsep’ bytija” [Arthur Lovejoy and The Great Chain of Being], *History of Philosophy*, vol. 10. Moscow: IPH RAS Publ., 2003, pp. 243–251.

Kripke, S. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 172 pp.

Lewis, D. *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Blackwell, 1986. 276 pp.

Lovejoy, A. *Velikaya tsep' bytiya: Istoriya idei* [*The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*], trans. by V. Sofronov-Antonomi. Moscow: Dom intellektual'noj knigi Publ., 2001. 376 pp. (In Russian)

Meillassoux, Q. *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [*After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*], trans. by L. Medvedeva, Yekaterinburg; Moscow: Kabinetny Ucheny Publ., 2017. 196 pp. (In Russian)

Nozick, R. *Philosophical Explanations*. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 764 pp.